

МИРЫ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

КНИГИ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

Волкодав

Волкодав. Право на поединок

Волкодав. Знамение пути

Волкодав. Самоцветные горы

Волкодав. Истовик-камень

Волкодав. Мир по дороге

Валькирия

Лебединая дорога

Меч мёртвых

Викинги

Поединок со Змеем

Братья. Книга 1. Тайный воин

Братья. Книга 2. Царский витязь

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

БРАТЯ

**Книга 2
ЦАРСКИЙ ВИТЯЗЬ**

Том 2

АЗБУКА
Санкт-Петербург

ДОЛЯ ПЯТАЯ

Орудье о блюде

— Не пушу!

Воздетая клюка рассекла воздух. Шерёшка стояла в калитке, словно дом от злых гонителей защищая. Воронята даже прыгнули назад, к саночкам, откуда выбиралась испуганная Надейка.

Седые Шерёшкины пряди вились по плечам, наделённые недоброй собственной жизнью.

— Вон отсюда ноги, приبلудыши!

Лыкаш с места не сошёл, но загрустил. Славненько начиналось деяние, должное к державству его вознести. Когда первый шаг таков, каких бед завтра ждать?.. Он доподлинно знал: Белозуб чуть не плакал, выпрашивая себе это орудье, но учитель был непреклонен. «Воробыш пойдёт. И Ворон с ним, для пригляду». Лыкаш с радостью уступил бы честь, да кто ж спрашивал?

Покосившись на Ворона, гнездарь забыл свои горести. На это стоило поглядеть! Надменный дикомыт, чьи дела уже обросли баснословными пересудами, стоял виноватый. Гордые брови сложились жалобным домиком.

— Мы не баловства ради, тётенька.

— А ты! Охаверник!.. Ты!..

— Нас учитель на орудье послал.

— Знать бы, что половину шайки притащишь, воли моей не спросив, я и тебя...

- Ты хоть выслушай, тётенька.
- Слышать ничего не хочу!
- Такое наше орудье, что стервоядцам здешним досада великая сотворится.

Костлявые руки крепко стискивали клюку. Шерёшка молчала, трудно дыша. В глазах всё не унималось тёмное пламя. Наконец бобылка кивнула на мальчишек с Надежкой, спросила недоверчиво:

- Эти, что ли, досаждают станут?
- Нет, тётенька. У них...
- Так пусть лыжи воротят, отколь пришли!
- У них орудье своё. Станут обходить кипуны, камешки весёлые собирать, грязи цветные.
- Пусть опричь моей калитки плетутся!

В Чёрной Пятери уже не все помнили дивный запах Шерёшкиного печенья. Только звучали в общей опочивальне сказы о воровских подвигах нынешних старших.

- Ты бы хоть спросила, на что...
- Вчера не знала и завтра не пригодится. Уводи, отколе привёл!
- А на ризы святой царице Аэксинэй, на плащ государю мученику Аодху.

Шерёшка замолчала, осёкшись. Впрочем, сошку держала по-прежнему крепко и зло.

- На какие такие ризы?
- Про это, тётенька, Надежку расспрашивай. А ежели не любо нас принимать...
- В дровник веди, — бросила, отворачиваясь, немилостивая бобылка. — И вас, остолопов двоих, в избу не пуцу, не надейтесь.

Лыкаш сбросил с плеч лямки алыка.

- Пошли, — сказал ему Ворон.
- Куда?

— Людишек будешь опы́тывать.

Лыкаш опять загрузил. Он полагал засесть с Шерёшкой за стряпной склад, недавно найденный в книжнице. Думал, Ворон сам отправится доводить вороватых насельников до ночного удушья, выведывая, чей отец уволок из крепости царское блюдо да в какую сторону продал.

— Может, ты скорее управишься?.. — вырвалось у него.

Ворон поднял бровь. Его дело догляд. Он, конечно, не даст Лыкашу ни пропасть, ни потерпеть неудачу... но и подменять собою не станет. Лыкаш только рукой махнул, первый вышел вон со двора.

Дровник у Шерёшки был просторный, щепы и чурки полнили навес едва до середины. Тщедушные хвостины, добытые хозяйкой, сразу было знать от поленьев, наколотых мужскими неутомимыми руками.

Надейка вытащила свою постель, разложила у стенки. Ирша с Гойчином собирались ночевать дорожным обычаем, довольствуясь кожухами: «Мы мораничи. Нам с дядей Вороном на орудья ходить!» И удрали со двора — якобы разведывать кипуны. На деле, конечно, подсматривать, как-то дядя Ворон будет досаждать деревенским. А заодно — хоть ненадолго убраться от злющей хозяйки, с которой один только дядя Ворон сладить и мог.

Надейка выкладывала из санок последнюю плитку чёрного камня, добытого в развалинах крепости. На крылечке вновь стукнула сошка.

— Ты, бестолочь, какое понятие о царских ризах можешь иметь? — требовательно и как-то обиженно спросила Шерёшка. — Ты в Беду хорошо если в мамкином брюхе играла!

Надейка покорно опустила глаза:

— Твоя правда, тётька. У государыни платье белое, всё синими незабудками. А у государя корзно серебряное, с плеча книзу прикраса в синюю и зелёную нитку...

— Тыфу! — озлилась Шерёшка. — Где то узорочье, негодница? И где наши грязи?

— На картине...

— Что?

— Мне картину велено поновить. С четой праведной.

— Кто велел?

— Господин Лихарь орудье вменил...

Шерёшка зло отмахнулась:

— Картины жаль. А Лихарю неудача поделом станет.

Надейка смолчала.

Шерёшка вдруг ткнула клюкой тяжёленькую чёрную плитку:

— На чём тёртые глины замешивать собралась?

— На желтке с водицею...

— Ты меня провести даже не помышляй. Батюшка мой сам книги сшивал, сам расписывал, — сурово предупредила Шерёшка. — Краски твои провоняют, иссохнут, трещинами пойдут! — И злорадно предрекла: — Загубишь, Лихарь тебя...

Отболевшие ожоги закалили Надейку. Она не вверглась в былое помрачение, лишь чуть вздрогнула.

— На желтке не иссохнут, тётька. А чтоб не протухли, уксусом разведу. Закончу, для крепости рыбьим клеем промажу...

Шерёшка тяжело помолчала, пряча удивление.

— Кто научил? — спросила она затем.

— Я от образа Матери... художество постигала...

— Врёшь, — наставила костлявый палец Шерёшка. — Угольями берёсту марать — это да, это всякий наловчиться способен. А красками — нет! Умишка не хватит! Их от Богов взысканные люди в старину обрели и нам науку оставили. Сей же час сказывай, кто на ум направлял! Не то вовсе выгоню и показываться возбраню!

В дровник сунулись воронята. Босые, с мокрыми по колено ногами, штаны перемазаны жёлтым и красно-бурым. Шерёшка зашипела на них. Оба мигом исчезли.

Надейка отвела глаза:

— Меня дедушка Опура учил.

За углом раздались смешки. Опура! Каких только прозваний людям не нарекают!

— Я кого выгнать сулила, если снова соврёшь?

— Не вру я, тёнька. Он мне показал, как тереть, как кисти вязать...

— Опура? Он до твоего рождения последний ум обронил. Вот что, девка...

— Как есть обронил, — прошептала Надейка. — Когда стена падала, святой жрец хвалы Владычице возносил, а дедушка остатний уголок изрисовывал. Краснопева потом костей не нашли. А дедушка умом подался, когда ему труд всей жизни земными корчами обвалило.

— Ты почём знаешь? Ты тогда...

— Мама сказывала.

Воронята осторожно присели на порожек дровника, стали слушать. Полоумного Опуру они не застали. Не видели, как старец бродил безлюдными переходами. Не слышали, как беседовал сам с собой, поднося жирник к остаткам стенных росписей. Ирша и Гойчин были уже из нового поколения.

— Для нас всё случилось вчера, — совсем другим голосом сказала Шерёшка. — Вам, подлёткам, отцы-матери донесли. А скоро одни бабкины сказки останутся, никто им и веры не даст.

— Так он что? — робея, спросил Гойчин. — Дед этот?

Грустная, задумчивая Шерёшка была совсем непривычна. Как обходиться с ней, пока она размахивала палкой, грозясь прогнать за забор, они успели постичь. Как поступать с тихой и печальной — понятия не имели.

— Вам, малышне, уже не представить солнца на башнях Царского Волока, когда наш корабль подходил заливом, — проговорила Шерёшка. — Для вас это Чёрная Пятерь, где людей меньше, чем крыс, и на каждый жилой покой по три хода заваленных. Кто, рассматривая груды костей, углядит белую красавицу?

Женщина помолчала, конец сошки вычертил по утópку странную загогулину. Воронята переглянулись. Учитель сравнивал крепость с гордым воином, принявшим раны, но по-прежнему сильным и непреклонным. Такое сравнение мальчишкам нравилось больше, но с Шерёшкой спорить — себе дороже. Только раскричится. И больше ничего не расскажет.

— Я же видела старика, — тихо продолжала Шерёшка. — Когда печенье Ветру вашему приносила. Брезговала вонючкой, нос воротила. Знать бы, что это ради его образов и поличий мы с мужем горести морские терпели! Верный список с картины чаяли домой увезти! — Шерёшка вздохнула. Сложила руки на сошке, утвердила сверху подбородок. — А после...

«А после я мимо ходила. Своё горе лелеяла. Вот, думала, земля носит противного! Когда моих мужа с доченькой...»

Вслух она этого не произнесла.

— Тётя Надейка, — опасливо прошептал Ирша, — а ты как про дедушку поняла?

Надейка ответила так же тихо:

— Я в надвратной молельне узор на берёсту переводила...

— В надвратной? Там же крыши нет и стены суровые?..

— Уходит всё, — сказала Шерёшка. — Расточается. Чего огонь не сжёт, вода по капле смывает. Дети ваши и того, что сейчас есть, не найдут.

— Тогда тоже не много видать было. Остаточки. Зачин прикрасы в уголке. Как дальше совьётся, не угадаешь, а всё одно загляденье. Я рисовать... оглянулась, дед Опура стоит. Взял уголь у меня, заругался, мол, обточен не так. Бранится, а сам узор выводит верной рукой...

Шерёшка вдруг вновь рассердилась:

— Погляжу ещё, что ты намалюешь!

— Тётенька Шерёшка, — сказал тихий Гойчин, — тебе, может, дров нарубить? Полы вымести? Починить что?..

Духовая щелья

«Ну вот объявлюсь я вельможам. Клеймо открою. А дальше?»

Стоит сделать долгожданный первый шаг, и кажется, будто весь путь уже пройден. Ничтожный отрок воочию видел себя витязем. Вождём, готовым говорить с высшим почётом Андархайны.

«Только пусть попробуют рукой отмахнуться!»

Светел представил длинный стол вроде того, что накрывали для братской трапезы в Твёрже. Красных бояр, разодетых, как богатые купцы в Торожихе. Избы по сторонам большой улицы, опять вроде твёржинских, только нарядней, выше.

И ему, Светелу, сидеть во главе того стола.

О чём толковать с андархскими большаками? Сколько ни думал — ничего придумать не мог. Попеченья будущего царствования сводились в его разумении всего к двум заботам.

Вот первая:

«Велю вам, могучие воеводы, по камешку разорить Чёрную Пятерь! Сам первый пойду и уж не уймусь, пока брата не вызволю!»

И вторая:

«А кто словом заикнётся Коновой Вен воевать, я того не гневом опалю, я того кулаком в землю вгною!»

Что ещё делать, нарёкшись Аодхом Пятым?

Поди знай. Так далеко Светел до сих пор не заглядывал.

Это был узкий бедовник, длинный и прямой, как копьё. Его огненным мечом прорубили вихри Беды, рвавшие в каменную щель меж холмов. Теперь здесь гуляли обычные ветры. Жгучие, свирепые. И дули, как водится, прямо навстречу походникам. Старые зяблины на щеках отзывались памятной болью. Светел корчил рожи под меховой личиной, силясь разогнать кровь. Щурил глаза в прорезях, жёсткой рукавицей сдирал с ресниц лёд. Ветродуи, по крайней мере, смелтал кидь из-под ног, выглаживая дорогу. На иртах своей работы бежалось легко и задорно. Каёк со звоном втыкался в крепко слежавшуюся, бороздчатую белую толщу. Взвизгивал, проворачиваясь. Взлетал в новом замахе. Разогнанные санки катили сами собой. Почти не дёргали пояс.

Временами Светел оглядывался, ибо сзади бежали заменки. «Нас потому так зовут, что мы всякого воина заменяем, — пояснил Косохлёт. — Сестра вот из лука бьёт, когда дядя Гуляй дострелить не умеет...» Довер-

чивый отрок сперва рот разинул: ух ты! После вообразил страшный лук Гуляя в тонкой руке Нерыжени. Больше он ни о чём Косохлёста не спрашивал.

И называть Нерыжень миллой белянушкой даже про себя не тянуло.

Источенный ветрами бедовник казался рекой, пробившей русло среди дремучих урманов. Кое-где из-под снега выпирали громадные изломанные стволы, все макушками к северу. Сразу видно: люди поблизости не живут. Ни полозновиц от тяжёлых саней дровосеков, ни отметин топора или пешни.

— Ишь, посохом размахался, — ворчал сзади Косохлёт. — Не призадумался, пáсока, в кого комья летят!

Пасокой бывалые витязи именовали хвастунов, на деле ещё не багривших кровью меча.

— Ладно серчать, братец, — серебряным голоском вступилась Нерыжень. — Не видишь, из сил вымотался мальчонка. Ему, может, пособить надо, а ты всё braniшь.

В один из первых дней Светел попался. Полез спорить, будто ничуть не стомился. «Ах так?» Косохлёт сразу подбавил ему поклажи со своих и сестриных санок. Спасибо, сам сверху не сел. Светел сдюжил, конечно. Заодно уяснил себе накрепко: мало ли что ты дома великое место держал. Здесь отроком назвался, ну и помалкивай.

— Эй! — возвысил голос Косохлёт. — Помочь, что ли?

Светел ответил через плечо и сквозь зубы, но как полагалось:

— Благодарствую, дяденька. Сам дотащу.

Хочешь не хочешь, величай парня младше себя. Светел с тоской вспомнил калашников. Вот где побратимы, вот кто друг за дружку горой! «Может, я от своих людей к чужим людям ушёл?..» Через полсотни

шагов он честно попытался представить, как под снегириное знамя прибился бы парнишка со стороны. Увидел свой и Гаркин кичливые взгляды. Даже улыбнулся под меховой харей.

Тоже небось присвоили бы почёт.

Нерыжень снова подала голос:

— Вовсе не жалеешь, братец, меньшого. Кликнет дядя Сеггар привал, ему, бедному, снова без конца шпенёчки крутить, струночку за струночкой ладить...

Светелу померещился сдавленный смешок за спиной. Там словно ведали про него тайное, зазорное, но что? Поди знай.

— Не заснуть бы, покуда песен дождёмся, — согласнo протянул Косохлёст.

И опять словно подавился смешком.

Светел оскалился под личиной. На правду грех злиться, да только большей правды ничто не язвит. Сколько он ни слаживал струны, к следующему привалу они вновь звучали враздрай. Не блюли строя, хоть плачь.

Надо было знать в ту последнюю домашнюю ночь: от лютых обид добра не родится. Гусельки, которые он долбил, выглаживал, клеил так жадно и яростно, словно прямо на них жизнь со смертью сплелись, — этим гуселькам его тогдашняя надсада пришлась как беременной бабе пинок в брюхо. Не порно выпросталось хилое чадце. Вместо бодрого крика еле мяукнуло.

«Где оплошка? Сколько санок в путь выпустил, ни у одних копылья с полозьями расстаться не норовят. А тут шпенёчкам струн не сдержат...»

Постепенно делалось не до разговоров. Уже густели сумерки. Сеггар гнал вперёд, стремясь до темноты пройти Духовую щелью. Чем ближе к холмам, тем беспощадней наседали ветер. В теснине, куда упирался

бедовник, гудела воздушная стремнина. Что за сила гнала ветер сквозь трещину возле самой земли, когда всё небо отдано могучим крылам? Светел не знал. И никто не знал. Ни в Левобережье, ни на Коновом Вене. Всюду считали Духовую щелью чудом. Не злым, просто суровым. Бывали хуже места. Здесь, по крайней мере, люди не пропадали.

Каменное горло можно было обойти, задав крюк вёрст на двадцать, но воевода спешил. Упрямые сеггаровичи входили в теснину, ложась грудью на живой плотный воздух. Поговаривали, будто ветер здесь обретал человеческий голос. Светел хотел вслушаться, но было недосуг. Приходилось двумя руками всаживать посох, чтобы не опрокинуло коварным порывом. Светел убирал лицо, лишь изредка раскрывая правый слезящийся глаз. На левом, неволей подставленном ветру, смёрзлись ресницы. Ветер метал иглы, гвозди, бронбойные стрелы. От такой молотьбы потом больно под веками.

— Ну погодища! — прихотью воздушных токов донёсся смех Ильгры. — Будто в лодке упором!

Дойдя до каменной шишки, за которой неясной тенью растворился Гуляй, Светел глянул назад. Заменки приотстали. Лёгкая Нерыжень налегала на каёк, цепляла мёрзлые камни... всё равно съезжала обратно. Даже камыс на лыжах не помогал. Косохлест тянулся помочь, возился с потягом.

Ильгра прошла здесь без помощи, но Светел не вспомнил, не призадумался. Живо отстегнул санки, направил в стену, чтобы не снесло. Перепрыгнул с лыжами, проехал по ветру. Радостно ощутил в себе силу — врешь, вихорь, не сдвинешь! Упёрся, схватил руку Нерыжени, поволок за собой. Шаг, ещё, ещё! Вот и кремнёвый желвак. Руки в стороны разведи — обе стенки

достанешь. Одолевая половину неба, ломившуюся навстречу, Светел рывком бросил себя на ту сторону. Вытянул Нерыжень.

И... весь воздух кругом куда-то пропал. Рот открылся сам собой, как у вытащенной рыбёшки. Затишь казалась неестественной. Почти пугала.

— Тебя кто просил? — с нешуточной яростью вырвалась Нерыжень.

Светел отодрал с левого глаза корку льда вместе с половиной ресниц.

— Ты ж девка... — проговорил он растерянно. Хотел добавить — у нас на Коновом Вене девьё заступать принято... Не добавил.

— Ещё кто тут девка!

Изощрённый удар легко пронизал меховую толщу, вязаную, портяную. Выше брюха, ниже груди. Огненным клубком прожёт тело — искры вон! Какие сшибки в Затресье, гордая победа возле Смередины?.. Светел задрал кверху носки беговых лыж. А Нерыжень, выплеснув обиду, вспомнила: в теснине остался брат. С тремя санками. Девушка обрадованно устремилась за желвак, но тут Косохлёт сам показался наружу. За ним выкатились его чунки.

— Ты, олух, оружие без присмотра бросил и сестру к тому понудил?

Поднявшийся Светел проворно отскочил и только тем избег новой кары. «Я бросил?..» Вслух пенять было без толку. Он торопливо скинул юксы, проскочил мимо «дяденьки», нырнул за желвак. Вихрь немедля пнул его в спину, ринул вперёд. Светел едва устоял. В узких стенах плавала почти крошечная тьма. Санок не было. Ветром столкнуло? Косохлесту помешали пройти?.. Светел заскользил на коленях, шаря по снегу. Руки натолкнулись на гнутый облок. Санки Нерыжени, заботливо опёртые о валун. Щенячья глупость,